

С. В. Кулинок

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ПОДГОТОВКИ
НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ АГЕНТУРЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере территории Беларуси)¹

Исследование уровня и качества подготовки немецкой агентуры необходимо для оценки эффективности и результатов ее работы на Восточном фронте. В данной статье рассмотрим два основных аспекта: «что» преподавали агентам и «кто» преподавал.

В самом начале отметим, что единой определенной системы подготовки немецкой агентуры в спецшколах не было. Обучение шпионов значительно различалось и зависело от многих факторов: специализации учебного центра, статуса курсанта (военнопленный, гражданский, его пол и возраст и т.д.), предполагаемого задания агента, его сложности и т.д. Поэтому говорить об унифицированной (типовой) подготовке агентуры не совсем корректно.

Курсантов для обучения в школах вербовали в основном среди военнопленных, из антисоветского, предательского и уголовного элемента, проникшего в ряды Красной армии и перешедшего на сторону немцев, а также из антисоветски настроенных граждан, оставшихся на временно оккупированной территории СССР. Органы абвера рассчитывали, что агентуру из военнопленных можно быстрее подготовить для разведывательной работы и легче внедрить в части РККА.

Подбор агентов производили официальные сотрудники школ, команд и специальные вербовщики из белоэмигрантов, которые систематически посещали передовые пункты приема военнопленных, пересыльные и стационарные лагеря. Кроме того, в каждом лагере существовал отдел абвера с соответствующим штатом сотрудников, которые также занимались вербовкой. В ряде исследований можно встретить утверждение, что именно тяжелые условия содержания, а фактически – выживания, активно использовал абвер при вербовке. Это верно лишь отчасти. Немецкий историк Клаус-Михаэль Мальман в работе, посвященной операции «Цепелин», указывает: «Одним из факторов успеха такого стремительного набора [агентов. – С.К.] было, конечно, желание избежать голода в лагерях для военнопленных. Этот ситуативный момент, однако, не стоит переоценивать или абсолютизировать, так как он может привести к заблуждению. Вряд ли этим можно объяснить те большие размеры добровольного коллаборационизма, который сопутствовал немецким оккупантам от Прибалтики до Кавказа». Это «скорее, указывает на то, что этот феномен стал преобладающим из-за внутренних советских условий, в частности, из-за напряжения между национальностями и в результате

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

большевистских репрессий. Эти конфликтные точки значительным образом облегчили проведение операции “Цеппелин”, в рамках которой использовались центробежные силы многонационального Советского Союза и последствия десятилетий исключительно кровавого режима» [45, S. 328–329].

Агентура из гражданского населения подбиралась по рекомендации и при содействии немецких контрразведывательных и полицейских органов, руководителей антисоветских организаций, местных руководителей различного уровня. Базой для вербовки агентуры в школы являлись также антисоветские вооруженные формирования, РОА, РОНА, различные национальные организации, объединения, партии и т.д.

Первое, на чем необходимо акцентировать внимание, – это различные сроки подготовки агентуры: от недели (курсы в Барановичах и Минске) [11, л. 56; 25, л. 417, 480] до года в Оршанской спецшколе [29, л.11об.]. Например, на курсах ГФП в г. Борисове обучение агентов длилось три недели [40, л. 55–56], на «краткосрочных курсах гестапо» в Слуцке преподавали 10 дней [37, л. 204–209], одна из школ Минска осуществляла выпуск агентов после приблизительно 20-дневного курса [31, л. 44–46]. Безусловно, уровень подготовки и квалификации такой агентуры был невысоким.

Наиболее распространенными для подготовки агентуры в секретных школах на территории БССР были программы, рассчитанные на период от 1 до 6 месяцев. Так, в абвершколе в Борисове (Печах) подготовка агентуры составляла 2–3 месяца [22, л. 18–19; 26, л. 66; 27, л. 70–71]. В Бресте, Витебске, Полоцке и Слуцке в спецшколах предусматривалось 3-месячная подготовка [24, л. 13; 26, л. 66; 31, л. 6–7; 33, л. 80об.–81; 4, с. 159]. В деревне Ельница (Борисовский район) в «школе гестапо» обучение продолжалось 5 месяцев [10, л. 47; 38, л. 236–236об.], а в Барановичской, Гомельской и одной из Минских школ подготовка курсантов продолжалась 6 месяцев [19, л. 431; 25, л. 286–297, 433–436]. В некоторых учебных центрах велась достаточно длительная подготовка агентуры. Например, при «минском и борисовском гестапо» были открыты 9-месячные курсы для евреев» [20, л. 272].

Учебные дисциплины в разведывательно-диверсионных школах значительно отличались между собой. Во многом это определялось уровнем учебного центра (курсов или школы), профилем деятельности (подготовка агентуры для заброски в тыл СССР и Красной армии или для борьбы с партизанами; подготовка разведчиков, диверсантов, радистов), составом курсантов (мужчины, женщины, дети, представители различных национальностей).

В «классических» абвершколах агентов обучали, как нужно переходить линию фронта, вести себя в тылу при выполнении задания, а в случае задержания – на допросах и в местах заключения. Забрасываемым указывали, что необходимо оказывать вооруженное сопротивление при задержании, а в безвыходном положении – кончать жизнь самоубийством. При захвате ни при каких обстоятельствах не сознаваться в причастности к немецкой разведке. В случае предложения о перевербовке – соглашаться, а после возвращения доложить об этом.

Разведчики изучали структуру организации воинских частей Красной армии, знаки различия, основы топографии (умение пользоваться картой, ориентироваться на местности с компасом, определять расстояние, вычерчивать по памяти схематическую карту) и проходили стрелковую, физическую, тактическую и строевую подготовку.

В диверсионных школах агенты изучали те же предметы, что и в разведывательных, но дополнительно получали специальную подготовку по проведению диверсий и террора. Они изучали свойства взрывчатых веществ и правила закладки их под намеченный к разрушению объект, зажигательные средства и способы их применения, приготовление простейших взрывчатых и зажигательных веществ и правила обращения с ними, огнестрельное оружие и стрельбу из него. Полученные теоретические знания закреплялись на практических занятиях.

Агенты-радисты кроме общих дисциплин изучали радиодело, умение работать на ключе на слух, правила вступления в связь с разведцентром, методы шифровки и дешифровки радиограмм. Радист считался подготовленным, если он мог принимать и передавать без ошибок 70–80 знаков в минуту [43, С. 283–284]. Отметим, что такая глубокая и серьезная подготовка проводилась лишь в нескольких школах на территории БССР (в Борисове, Минске, Витебске, Гомеле и др.).

В большинстве школ уровень обучения курсантов был достаточно средним и даже низким. Например, на курсах ГФП в Борисове подготовка велась по двум направлениям – разведка и террор. Курсантам-разведчикам преподавались «в основном маскировка и поведение в отряде – входить в доверие к командному составу, добиваться командных должностей», а также черчение. Диверсантам – «методы террора личным оружием – наганом, ножом и физической борьбой» [40, л. 55–56]. В учебном центре («школа гестапо»), открытом на территории борисовской электростанции, изучали «местность партизанских зон и шпионаж» [40, л. 113об.–114об.]. Разоблаченный немецкий агент Александра Усова, обучавшаяся в «школе гестапо по ул. Стеклозаводской» в Борисове, на допросе в мае 1943 г. относительно программы сообщила: «как таковых отдельных предметов не было, была только отдельная тема, как себя вести, когда пойдешь в отряд... На занятиях говорили, что когда попадешь в отряд, то надо дружить, главным образом, с командным составом, вплоть до поступления в сожительство с ним, чтобы получить больше сведений» [39, л. 13–14; 42, л. 1]. Несколько лучше велась подготовка агентуры на курсах, открытых при могилевской тюрьме. Там читалось «разведывательное дело и крепко агитировали за Гитлера. В разведку входило: разведка воинских частей Красной Армии, разведка по партизанским отрядам, вербовка людей на свою сторону, агитация среди населения на сторону немцев; диверсионная работа – отравление колодцев, продуктов питания и т.д... По части опознавания своей агентуры учили узнавать мимикой, жестами рук и другими движениями, как опознать агента по опознавательному знаку» [24, л. 9–11об.].

Очевидно, что уровень подготовки такой агентуры был низким. Им преподавали даже не дисциплины, а минимальный (базовый) набор бессистемных знаний, необходимый для работы. Более глубокая подготовка велась в стационарных школах. Например, в Слуцке агентами изучался «белорусский язык, немецкий язык, методы русской разведки, диверсионная работа немецкого разведчика, подрывное дело, методы и приемы поведения, методы вербовки партизан» [24, л. 17–20], а также «приемы физической борьбы, вербовка агентуры» и методы конспирации [37, л. 333–338]. В «школе гестапо № 12», расположенной на территории лагеря Тростенец, преподавались: военная топография; немецкий язык; формы диверсии (массовое отравление при помощи пищи, водных бассейнов, порча машин, подрыв и минирование железных дорог, подпилка мостов и др.); индивидуальный террор; способы озлобления народа – массовые и индивидуальные; выработка характера; история развития НСДАП и роль Гитлера; «Новый порядок в Европе»; методы разведки и контрразведки; тактика немецкой армии [2, л. 9, 10; 27, л. 130–135].

Укажем на некоторые важные аспекты обучения узкоспециализированной агентуры. Так, в некоторых школах, готовивших кадры для внедрения в партизанские формирования, преподавалась «история окружения на территории Беларуси частей Красной Армии» [35, л. 34об.]. Это делалось для составления более качественной легенды и получения знаний агентами, которые внедрялись под видом «окруженцев». В столице БССР в одной из школ готовилась агентура для диверсионной работы на военных объектах в тылу СССР. Курсантам преподавали «топографию, типы самолетов, характеристики родов войск, строевую подготовку и в особенности приветствия старших командиров» [25, л. 414–415]. При подготовке радистов в абвершколе в Борисове (Печи) читались следующие дисциплины: а) передача на ключе; б) шифровка; в) метеорологический шифр; г) специальный код; д) радиостанция; е) обмен корреспонденцией – проводится исключительно под наблюдением немцев. В этом же месте для разведчиков преподавались: «организация и управление войсковых частей РККА всех родов до бригад включительно; вооружение РККА; составление радиogramм, донесений и отчетов; наблюдение за шоссевыми и железными дорогами; развитие слуховой и зрительной памяти; переход фронта; беседа с красноармейцами и встречными; физподготовка; строевая подготовка и приветствие; политическая подготовка; работа и организация НКВД» [41, л. 12–22].

Помощником начальника разведывательного отдела ЦШПД капитаном В. Куровым в 1944 г. была подготовлена рукопись «Партизанская агентурная разведка», в которой он определил перечень «типовых» учебных дисциплин, преподававшихся в спецшколах и на курсах: организация, комплектование и вооружение Красной армии; политико-моральное состояние личного состава Красной армии; транспорт СССР; промышленные и военные объекты; военная топография; организация и деятельность советской контрразведки;

способы переброски агентуры в тыл Красной армии и методы легализации; добыча и передача разведывательных данных; методы конспирации; радиодело и работа на ключе (для радистов); история партизанских отрядов; составление радиogramм, донесений и отчетов; развитие слуховой и зрительной памяти; физическая подготовка; история НСДАП и «Новый порядок» в Европе. В ряде школ преподавали основы фармакологии и работу с отравляющими веществами [21, л. 16–17; 41, л. 12–22].

Выделим еще два, на наш взгляд, важных и малоизвестных аспекта в обучении агентуры. Во-первых, это многоступенчатость в подготовке шпионов. В архивных документах имеются свидетельства того, что после окончания одного учебного заведения агентов могли направлять для переподготовки в другое (это могло быть вызвано сменой задания или другими причинами) [14, л. 9–9об.; 15, л. 21–21об.]. Курсы переподготовки агентурных кадров действовали и в Гомеле. В частности, с 9 по 20 сентября 1943 г. на них обучалась «агент в юбке» Нина Севостьянова, которая до этого (с июня по декабрь 1942 г.) 6 месяцев проходила подготовку в разведшколе в Гомеле. В качестве слушателей на этих курсах присутствовали и немецкие сотрудники СД [25, л. 270–275]. Такая практика существовала и в других регионах. Так, в г. Вроцлав на территории Польши действовал специальный лагерь «Цеппелина», где готовилась разведывательно-диверсионная агентура. После его окончания часть курсантов направлялась в школу в м. Волау (Волув) (в 40 км от Вроцлава), где они «проходили окончательную отшлифовку по пройденной программе» [16, л. 41–42; 24, л. 69–82]¹.

Во-вторых, необходимо отметить, что в некоторых учебных центрах проводились и «практические» занятия. Вот что рассказал агент Тростенецкой школы М. Брейтман-Петренко: «Видное место занимала выработка стойкости и твердости характера или, если выразиться более точнее, сделать из людей нечувствительных по отношению к страданиям других. Для этого часто заставляют присутствовать при расстрелах заключенных и евреев, которые находились в лагерях... заставляли ходить к ямам в лесу, где складывались и сжигались убитые евреи». В ряде случаев курсантов могли привлекать к такого рода «занятиям» [27, л. 130–135]. Вот, что показала на допросе агент абвершколы в Минске Н. Сушенко: «В школе слушатели должны заниматься 6 месяцев, после проходить 2-месячную практику и в г. Минске и прилегающих деревнях. Ходили на практику в тюрьму во время ведения следствия и избиения пойманных партизан. Учащиеся также практиковались в избиении и убийствах людей» [25, л. 433–436]. Все это делалась еще и для того, чтобы «повязать будущих агентов кровью», собрать на них серьезный компромат и предотвратить их переход на сторону противника.

¹ Аналогичная деятельность практиковалась немецкой разведкой и на других участках фронта. Например, курсанты, обучавшиеся в разведшколе в Рованиеми (Финляндия), затем могли направляться для подготовки в спецшколу в Петрозаводске [1, с. 5].

Преподавательский состав разведшкол и курсов также различался. В «Отчете о состоянии разведывательной работы по 1-й партизанской бригаде т. Захарова» от 28 июля 1943 г. указывалось: «Основной преподавательский состав в школах – старые матерые немецкие шпионы из отделов гестапо, а также есть часть русских, прошедших шпионское воспитание в Германии и имеющие большой шпионский стаж» [33, л. 64об.–66об.]. В крупных (стационарных) школах в областных и районных городах руководитель, его заместитель и некоторые преподаватели были офицеры и сотрудники немецких спецслужб, а часть преподавателей и вспомогательный персонал был представлен местными кадрами, в основном из активных коллаборантов и военнопленных. Такая ситуация характерна для школ абвера в Борисове (Печах), Минске, Витебске [6, л. 66–67; 8, л. 51–51об.; 27, л. 70–71; 34, л. 1–3об.; 41, л. 26–29; 44, с. 234–237, 240–242; 43, с. 321–322, 327–328, 333], учебных центров в Гомеле [25, л. 286–297], Могилеве [7, л. 76–77; 13, л. 16–17], Полоцке [5, л. 275–281] и др. Например, в Оршанской разведывательно-диверсионной школе преподавателями были пять советских военнопленных в чине от младшего до старшего лейтенантов [15, л. 1–3; 25, л. 21–22]. В одной из разведшкол в Минске преподавателями были несколько сотрудников НКВД [23, л. 49–51].

В небольших школах и на вечерних курсах руководящий и преподавательский состав мог состоять из местных кадров, находящихся на службе у немцев (сотрудники полиции, различных учреждений, командный состав РОА и РННА и т.д.). В Борисове на вечерних курсах ГФП преподавали местные «активисты» Стась, Руденко и Щерс [40, л. 55–56]. В «школе специалистов», расположенной также в городе на р. Березине, руководящие должности занимали «генерал-майор Андрей Севастьянов, комбриг Богданов... генерал-майор Наумов» [24, л. 88–89]. Руководителями и преподавателями «периферийных» школ в Ельнице и Куренце также были предатели, перешедшие на службу к немцам [9, л. 31об.; 17, л. 148; 18, л. 370; 28, л. 84–84об.; 30, л. 354об.; 37, л. 169–170об.].

Расписание в школах также значительно отличалось. Если на вечерних курсах обучение могло проходить несколько часов в день или в выходные, то в стационарных школах существовал строгий распорядок. Обучавшимся агентам разрешалось свободное общение между собой и категорически запрещалось общение с гражданским населением за пределами школ. Выход из школы в город разрешался руководителями школы только в исключительных случаях.

Обучение в Гомельской разведшколе проходило ежедневно с 9 до 15 часов, кроме выходных. В субботу и воскресенье предоставлялось свободное время и разрешался выход в город до 24 часов [25, л. 286–297]. В разведывательной школе «Зондерштаба-Р» в Варшаве четыре дня в неделю занимались по 6 часов с 9.00 до 12.00 и с 14.00 до 17.00 и два дня в неделю по 4 часа с 9.00 до 13.00. В воскресенье был выходной [25, л. 209–215].

Для наглядности приведем распорядок дня в учебном центре «Цеппелина» в местечке Волау (Волув) в 40 км от Вроцлава. Подъем был в 6 часов утра, затем 15-минутная зарядка и туалет. В 8 часов завтрак, который состоял из 200 г хлеба, 25 г маргарина или меда (редко) и 0,5 л кофе без сахара. Занятия начинались в 9 часов и продолжались до 12 часов. В 12 часов начинался обед, который включал 1 л картофельного супа с мукой без хлеба. После обеда курсантам давался 1 час отдыха, а потом начинались занятия по спецподготовке. В 18 часов ужин: 200 г хлеба и 50–70 г ливерной колбасы и кружка кофе [25, л. 568–571]. При подготовке детской агентуры в школе в Борисове питание курсантов состояло из лапши или риса со сладким чаем (молоком). На обед давали суп с мясом и картошку с котлетой, а на ужин – молоко или чай с хлебом [32, л. 65]. Таким образом, для курсантов стационарной формы обучения предусматривался полный пансион. Агентов, готовившихся на вечерних курсах, могли дополнительно обеспечивать сухим пайком [39, л. 15–18; 42, л. 2–2об.].

Характеризуя систему обучения агентуры, отметим, что унифицированной подготовки курсантов в немецких спецшколах не было. Уровень и качество подготовки в каждом отдельном случае могли отличаться. Это было связано с такими аспектами, как подчиненность школы, направление ее деятельности, половозрастные и национальные характеристики курсантов, предполагаемые задания и т. д. На территории БССР действовали как школы с краткосрочным обучением (от 7 дней до месяца), так и с долгосрочным (до 1 года). Наиболее оптимальные и часто используемые сроки подготовки в разведывательных центрах на территории Беларуси составляли от 3 до 6 месяцев. Качество обучения во многом оказывало влияние и на эффективность немецких агентурных кадров, которая, по нашему мнению, была относительно невысокой [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веригин, С. Г.* Деятельность советских спецслужб по ликвидации финских разведшкол на Карельском фронте (1942 – 1944 гг.) / С. Г. Веригин // *Studia Humanitatis Borealis*. – 2017. – № 2. – С. 4–9.
2. Государственный архив Минской области. – Ф. 4233. Оп. 1. Д. 1.
3. *Кулинок, С. В.* К вопросу об эффективности деятельности немецкой агентуры на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // *Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф., Москва, 5–6 дек., 2019 г.* – М. : Фронткнига, 2019. – 504 с. – С. 233–243.
4. *Надтачаев, В. Н.* Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надтачаев. – Минск : Кавалер, 2008. – 416 с.
5. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 151.

6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.
7. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
8. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56.
9. НАРБ. – Ф. 1402. Оп. 2. Д. 72.
10. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1183.
11. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979.
12. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 2. Д. 102.
13. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64
14. НАРБ. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 62.
15. НАРБ. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 92.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 858.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 10.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 22.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 27.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 55.
24. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56.
25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58.
27. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
28. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 62.
29. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65.
30. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 66.
31. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1286.
32. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1298.
33. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1311.
34. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1335.
35. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 254.
36. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11. Д. 32.
37. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 12.
38. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 26.
39. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 31
40. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.
41. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150.
42. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 214.

43. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. – Симферополь : Н.Орианда, 2011. – 656 с.

44. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха / С. Г. Чуев – СПб. : Издат. дом «Нева», 2003. – Кн. 1. – 383 с.

45. *Mallmann, M.-K.* Der Krieg im Dunkeln. Das Unternehmen «Zeppelin» 1942–1945 / M.-K. Mallmann // Nachrichtendienst, politische Elite und Mordeinheit. Der Sicherheitsdienst des Reichsführers SS / M. Wildt (Hg.). – Hamburg: Hamburger Edition, 2003. –S. 324–346.